

УДК 51(092)

*Этому прекрасному человеку мы безгранично благодарны
за щедрость, с которой он делился своим стремлением
к раскрытию секретов неизвестного,
составляющему подлинное счастье.
Измененная цитата Ю.Д. Шмыглевского*

К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОФЕССОРА ЮРИЯ ДМИТРИЕВИЧА ШМЫГЛЕВСКОГО (1926–2007)

© 2021 г. В. И. Zubov^{1,*}, А. А. Фролова^{1,**}, А. А. Чарахчян^{1,***}

¹ 119333 Москва, ул. Вавилова, 40, ВЦ ФИЦ ИУ РАН, Россия

*e-mail: vladimir.zubov@mail.ru

**e-mail: afrol@yandex.ru

***e-mail: aachara@yandex.ru

Поступила в редакцию 16.02.2021 г.
Переработанный вариант 16.02.2021 г.
Принята к публикации 09.06.2021 г.

27 апреля 2021 г. исполнилось 95 лет со дня рождения выдающегося математика и механика, Заслуженного деятеля науки России, доктора физико-математических наук, профессора, члена Национального комитета по теоретической и прикладной механике Юрия Дмитриевича Шмыглевского.

DOI: 10.31857/S0044466921100173

Научная деятельность Юрия Дмитриевича была яркой и многообразной. Ему принадлежат как глубокие теоретические исследования в области механики, физики, так и численные решения прикладных задач для моделирования сложных физических процессов. Многие полученные им результаты стали фундаментальными в этих областях.

Юрий Дмитриевич Шмыглевский родился в Москве на Арбате. В 1941 г. его семья была эвакуирована в Челябинск в связи с началом Великой Отечественной войны. Обучаясь в старших классах челябинской школы, Юрий Дмитриевич работал слесарем-ремонтником электростанции и помощником диспетчера Челябэнерго. Окончив в 1943 г. школу с золотой медалью, он один вернулся домой в Москву для поступления в институт. блестяще сдав экзамены, Юрий Дмитриевич поступил в Московский авиационный институт, успешно отучился в нем и в 1949 г. получил диплом с отличием по специальности инженера самолетостроения. Именно здесь, в МАИ, Юрий Дмитриевич познакомился с профессором кафедры аэродинамики Анатолием Алексеевичем Дородницыным и стал одним из ближайших его учеников. Личность Анатолия Алексеевича и масштаб его научных исследований оказали на Юрия Дмитриевича огромное влияние и определили в дальнейшем его научные интересы и многие этапы в жизни.

После окончания института Ю.Д. Шмыглевский был направлен на работу в Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н.Е. Жуковского (ЦАГИ), в отдел, которым руководил А.А. Дородницын. Он достаточно быстро зарекомендовал себя как талантливый исследователь. За научные достижения в 1951 г. Юрий Дмитриевич вместе с А.А. Дородницыным и А.А. Никольским был удостоен Сталинской премии и переведен на работу в Математический институт им. В.А. Стеклова АН СССР, а позднее, в 1953 г. – в Отделение прикладной математики того же института.

В этот период под руководством директора Института энергетики С.А. Лебедева создавалась первая вычислительная машина. Лаборатория, в которой проводились работы, находилась в предместье Киева (в Феофании, в 17 км от города) в полуразрушенной церкви. В 1951 г. первая советская электронно-вычислительная машина – Малая электронная счетная машина (МЭСМ) была введена в эксплуатацию. А.А. Дородницын, занимавшийся в то время задачами, связанными с испытаниями ядерного оружия, предложил провести расчеты на МЭСМ и Ю.Д. Шмыглев-

ский, О.Н. Кацкова, а позднее П.И. Чушкин были направлены в Феофанию. Это была очень сложная, ответственная и напряженная работа с постоянным дежурством около вычислительной машины (смены длились по 12 ч), однако Юрий Дмитриевич часто с большой теплотой вспоминал то время и рассказывал о некоторых забавных моментах их жизни там.

В 1955 г. был организован Вычислительный центр АН СССР, директором которого стал академик А.А. Дородницын, и Ю.Д. Шмыглевский был приглашен им возглавить отдел в Лаборатории подготовки задач для решения на ЭВМ, а затем Лабораторию программирования № 2. В 1961 г. Юрий Дмитриевич был назначен заведующим вновь созданной Лаборатории газовой динамики, которая позднее была переименована в Отдел механики сплошных сред.

Когда в 1991 г. Юрию Дмитриевичу исполнилось 65 лет, он принял решение уйти с должности заведующего отделом, предоставив руководство отделом более молодому коллеге. Обсуждая со своими сотрудниками новую кандидатуру, Юрий Дмитриевич учитывал высказанные мнения и пожелания. В результате таких консультаций было принято решение сделать заведующим отделом доктора физико-математических наук Л.В. Шуршалова. Тем не менее до последних дней своей жизни Юрий Дмитриевич оставался бессменным научным лидером, лицом и душой отдела.

Список основных научных трудов Юрия Дмитриевича приведен в [1]. Его первые работы, выполненные в ЦАГИ, посвящены расчету обтекания тел вращения без протока сверхзвуковым потоком газа при нулевом угле атаки. Именно за достигнутые в этом направлении успехи Ю.Д. Шмыглевскому совместно с А.А. Дородницыным и А.А. Никольским в 1951 г. была присуждена Сталинская премия.

Особенно плодотворным в научной деятельности Ю.Д. Шмыглевского стало такое направление, как решение вариационных задач сверхзвуковой газовой динамики, начатое в СССР в работах А.А. Никольского, Д.Е. Охоцимского, Т.М. Энеева и других. Именно вариационные задачи газовой динамики легли в основу его диссертаций: кандидатской (1957 г., ВЦ АН СССР) и докторской (1963 г., Институт механики АН СССР). Часть работ этого направления была удостоена в 1963 г. премии имени Н.Е. Жуковского, в 1979 — Государственной премии СССР, а в 1997 г. совместно с работами Л.Е. Стернина была зарегистрирована как научное открытие.

Большой цикл работ Ю.Д. Шмыглевского посвящен динамике излучающего газа. Под его руководством и при его непосредственном участии совместно с сотрудниками отдела В.И. Зубовым, В.М. Кривцовым, И.Н. Наумовой, А.А. Чарахчьяном была создана целая система методов для расчета осесимметричных течений излучающего газа, решен ряд важных задач с учетом реальных оптических и термодинамических свойств веществ, исследовано взаимодействие алюминия и его паров с потоком лазерного излучения. Под влиянием Юрия Дмитриевича как научного руководителя аспирантов и более старшего коллеги многие сотрудники отдела начали работать в этой области.

Решения стационарных уравнений Навье—Стокса для несжимаемой жидкости, которые не зависят от числа Рейнольдса (так как удовлетворяют одновременно и уравнениям Эйлера), были объектом исследований Юрия Дмитриевича в течение многих лет. В книге Юрия Дмитриевича (см. [2]) имеется любопытный фрагмент, который проливает свет на его точку зрения о возможном применении найденных им решений: “Найденные изолированные вихревые образования характерны тем, что возникают при аналитических краевых условиях, взятых, например, на окружности конечного радиуса с центром в начале координат. Они, как микроструктура потока, могут появляться в ламинарных течениях без видимых причин”.

Помимо поиска точных решений, Ю.Д. Шмыглевский исследовал общие свойства стационарных уравнений Навье—Стокса. Им предложено преобразование этих уравнений к виду, переводящему область пограничного слоя в область регулярного решения, найден способ приведения уравнения для функции тока к однородным формам, совместно с Б.В. Пальцевым изучен возможный характер пересечения линии тока и обтекаемой поверхности, совместно с А.В. Щепровым показана возможность появления бесконечной системы вихрей в окрестности излома обтекаемого контура.

Юрия Дмитриевича интересовали и общие свойства уравнений для сжимаемого газа. Им предложены новые вариационные принципы, из которых следуют уравнения газовой динамики и магнитной гидродинамики при бесконечной проводимости. Совместно с Е.Д. Терентьевым получены полные системы законов сохранения динамики идеального газа, магнитной и электромагнитной гидродинамики.

Руководя подразделениями института со дня его основания, Ю.Д. Шмыглевский не только создал цикл научных работ в разных областях, но и подготовил большой коллектив высококвалифицированных научных специалистов, среди которых более 20 кандидатов и докторов наук. Учениками Юрия Дмитриевича были В.В. Александров, В.М. Борисов и А.В. Шипилин, составившие в свое время костяк Отдела механики сплошных сред и создавшие свои научные школы.

Работали и продолжают работать в институте и другие научные “дети” и “внуки” Юрия Дмитриевича, ныне доктора и кандидаты наук. Учеником Юрия Дмитриевича Шмыглевского с гордостью считает себя А.Н. Крайко – один из ведущих ученых-механиков нашей страны.

О первых встречах и работе с Ю.Д. Шмыглевским А.Н. Крайко вспоминает так:

“Первый раз я увидел Юрия Дмитриевича в мае 1957 г. в ВЦ АН СССР при защите им кандидатской диссертации. Узнав о предстоящей защите из газеты “Вечерняя Москва”, в которой печатались сообщения обо всех открытых защитах в Москве, я подбил своих друзей-одногруппников, студентов 5-го курса Аэромеханического факультета МФТИ, поехать в ВЦ и узнать, что это такое. Был чудесный солнечный день, мы шли в Вычислительный Центр по разрытому-перерытому Ленинскому проспекту под откуда-то гремевшую замечательную музыку и чувствовали себя чуть ли не героями “Марша энгузиастов” (“Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых!”).

Юрий Дмитриевич должен был защищаться первым. Однако его оппонент А.А. Никольский опаздывал, и первым защищался Павел Иванович Чушкин, который вместе с Ю.Д. Шмыглевским перешел из ЦАГИ в недавно созданный ВЦ АН СССР. Директором ВЦ был А.А. Дородницын (академик и председатель диссертационного совета), учениками которого были оба подзащитных. В диссертации П.И. Чушкина (“Обтекание цилиндра околосзвуковым потоком”) нам, студентам, прослушавшим блестящий курс теоретической газовой динамики Горимира Горимировича Чёрного, все было понятно. То, что Ю.Д. Шмыглевский построил оптимальные по тяге или по сопротивлению контуры сверхзвуковых сопел и кормовых частей тел вращения с протоком, тоже было понятно. Однако как ему такое удалось, оставалось загадкой, думаю, в той или иной степени, для всех, включая членов совета и оппонентов, а тем более студентов. Именно эта загадка настолько увлекла меня, что вариационные задачи газовой динамики стали неизменным спутником всей моей научной жизни. Немалую роль в этом сыграли знакомство, сотрудничество и дружба с Юрием Дмитриевичем, который наряду с Горимиром Горимировичем стал моим учителем.

С марта 1959 г. (после окончания МФТИ) я начал работу в сопловом отделе “лаборатории Чёрного”, начальником которого был В.В. Поляков. Будучи экспериментатором, он хорошо понимал место теории и расчетов на появившихся тогда электронных вычислительных машинах (ЭВМ). В ЦИАМ в то время тоже установили первую ЭВМ “Урал” с быстродействием порядка сотни операций в секунду. Владимир Васильевич предложил мне: “Александр Николаевич, поезжайте в ВЦ. Там серьезные ЭВМ и работающие на них ученые. Попробуйте договориться о стажировке. Будете учиться, решая задачи, интересные и им, и нам, например о течениях в соплах. Думаю, они согласятся, а я устрою Вам соответствующий режим работы”. Так, благодаря В.В. Полякову, я оказался в Лаборатории механики сплошных сред ВЦ АН СССР. Заведовал лабораторией к.ф.-м.н. Ю.Д. Шмыглевский. В это время в ВЦ вместо до того момента самой мощной в СССР Большой электронной счетной машины (БЭСМ-1) поставили ее усовершенствованный вариант БЭСМ-2. На БЭСМ-2 под руководством О.Н. Кацковой я учился рассчитывать сверхзвуковые течения в соплах. Результатом завязавшейся, как и предвидел В.В. Поляков, совместной работы стало заметное продвижение в развитии методов расчета равновесных и неравновесных течений. Обучаясь работе на БЭСМ-2, я не забывал заинтриговавших меня на защите Ю.Д. Шмыглевского вариационных задачах, а Юрий Дмитриевич, не избалованный обсуждениями, готов был отвечать на любые вопросы заинтересованного ученика. Наши постоянные контакты и обсуждения оказались очень плодотворными в поиске решений вновь возникающих проблем.”

Отдел, которым руководил Ю.Д. Шмыглевский около 40 лет, стал одним из лучших отделов ВЦ РАН. Благодаря необыкновенной преданности Юрия Дмитриевича науке, его постоянному заботливому вниманию по отношению к коллегам и их поддержке, Отдел механики сплошных сред даже в трудные для науки годы сохранил свой состав и высокий научный потенциал.

Широта интересов Ю.Д. Шмыглевского не ограничивалась научными направлениями. Можно сказать, что он любил в жизни все прекрасное, редкое и удивительное. Это касалось и музыки, и живописи, и литературы. Его восхищали виртуозные исполнения классики (особенно он любил Моцарта) – более тысячи пластинок с записью различных музыкальных шедевров были собраны в его коллекции. Часто посещая со своей супругой И.Н. Наумовой Московскую консерваторию, он красочно рассказывал об этих замечательных концертах, стараясь поделиться услышанным со всеми, кто был рядом. Приглашенным для выступления в ВЦ исполнителям камерной музыки Т. Гринденко и Г. Кремеру Юрий Дмитриевич предоставил свой кабинет для репетиций и клавирина и был очень рад, что музыка будет еще долго наполнять его комнату. Он увлекался поэзией, часто вспоминая лирику М. Цветаевой, а иногда и сам писал, посвящая стихи своей жене или коллегам отдела.

Говоря о его увлечении живописью, нельзя не упомянуть об одном деле, продолжавшемся более 20 лет. Юрий Дмитриевич руководил общеинститутским еженедельным семинаром по методам решения задач математической физики. Объявления об этих семинарах готовил он сам. Это были маленькие произведения искусства. Надписи делались цветными фломастерами. Цветовая гамма, шрифты, форма и расположение надписей никогда не повторялись. Юрий Дмитриевич бережно сохранял эти объявления, снимая их после семинара и пополняя свою коллекцию. Но иногда докладчики успевали снять их раньше и забрать эти шедевры себе на память.

Ю.Д. Шмыглевский был прекрасным фотографом и коллекционировал снимки еще оставшихся в Москве церквей и соборов, чаще всего законсервированных или полуразрушенных. Он снимал и редких бабочек, и птиц, и цветы, и просто поразившие его природные явления или интересные лица людей.

Всеми своими находками и наблюдениями Юрий Дмитриевич пытался поделиться с друзьями и коллегами. Возвращаясь из интересных поездок, он привозил множество слайдов и фотографий и устраивал просмотры в ВЦ, сопровождая показы слайдов интересными рассказами.

Одним из увлечений Ю.Д. Шмыглевского был перевод современной английской художественной литературы. Начались эти переводы с романа Джона Фаулза “Женщина французского лейтенанта” (The French Lieutenant’s Woman), который он привез, находясь в одной из зарубежных поездок, и продолжались до тех пор, пока Юрий Дмитриевич не перевел почти все вышедшие к тому времени произведения этого автора. Переведенные книги он с удовольствием давал читать сотрудникам ВЦ. Именно так многие из нас познакомились с Д. Фаулзом задолго до создания литературных переводов и экранизации его первого романа.

Любимым видом отдыха Юрия Дмитриевича было катание на лыжах. В зимний период, пожалуй, не было ни одного выходного дня, когда бы он со своей прекрасной женой, Ириной Николаевной, не выезжал на лыжах в ближайшее Подмосковье. Когда не было такой возможности, они выходили покататься на лыжах в сквер на Университетском проспекте, где жили, или на Воробьевы горы. Это увлечение помогало Юрию Дмитриевичу сохранять прекрасную физическую форму. К одному из дней рождений сотрудники отдела преподнесли ему подарок – новые лыжи, самые-самые по тем временам. Конечно, Юрий Дмитриевич был очень рад такому подарку.

Коллеги и многие, кто встречался с Ю.Д. Шмыглевским, всегда вспоминают о нем с теплом и большим уважением.

Из воспоминаний профессора Б.А. Кушнера

Всегда элегантно одетый, подтянутый, Юрий Дмитриевич был профессором *par excellence*. И хотя наши математические интересы располагались далеко друг от друга, я неизменно чувствовал, что разговариваю с крупным ученым и неординарной личностью.

Юрий Дмитриевич был также объектом легенд. Например, говорили, что он послал письмо в высокую партийную инстанцию по поводу выдвинутого тогда лозунга “Достичь наибольших результатов с наименьшими затратами”, объясняя партийным чиновникам, что лозунг математически некорректен. Легенда утверждает, что был получен вежливый ответ с благодарностью и объяснением, что данный лозунг уже снят с повестки дня и заменен другим.

Также известно, что Юрий Дмитриевич был коллекционером монет и денежных купюр. Рассказывали, что, отчаявшись найти трехрублевую купюру определенного года выпуска, он послал запрос в Госбанк – выпускалась ли такая банкнота в этом году вообще. Ответ, как и можно было ожидать, не рассеял тумана. В нем говорилось, что подробности денежной эмиссии составляют государственную тайну.

Из воспоминаний Л.В. Шуршалова

Юрий Дмитриевич всегда воспринимался мной как строгий начальник. Мне кажется, что и другие сотрудники воспринимали его так же. При этом он никогда ни на кого не повышал голос, никогда не приказывал сделать что-то, никогда не принимал никаких административных мер по отношению к кому-либо. Со всеми поддерживал ровные уважительные отношения. Но никогда и ни с кем не было никакого панибратства. И дисциплина в Отделе механики сплошных сред всегда была на высоте.

По своему опыту и по своим наблюдениям со стороны могу заметить, что отношение к сотрудникам у Юрия Дмитриевича могло меняться со временем. Это никак не проявлялось внешне, но чувствовалось интуитивно. Со мной было несколько таких приливов и отливов. Когда я только пришел в отдел, то видел, что ему нравились мои дисциплинированность, аккуратность, усидчивость и старательность. Однако ему явно не понравилось, хотя он ни слова не сказал по этому поводу, что я согласился стать сначала заместителем, а потом председателем профкома

ВЦ, не посоветовавшись с ним. Спустя какое-то время отношения выровнялись. Когда я был секретарем партбюро, однажды возникла некоторая острая конфликтная ситуация, повлекшая за собой, из-за неоднозначного ее восприятия, очевидную напряженность между мной и Юрием Дмитриевичем. К счастью, ситуация быстро разрешилась и напряженность исчезла. Но, повторю, это никак не проявлялось в словах или поступках. Это воспринималось на уровне ощущений. На мой взгляд, у Юрия Дмитриевича было очень мощное биополе, которое воздействовало на других людей.

Как и положено руководителям, Юрий Дмитриевич регулярно просил сотрудников подготавливать планы и отчеты. Не знаю, всем ли он это говорил, но мне он сразу сказал, что в научных исследованиях никогда нельзя предвидеть, получится ли результат. Поэтому в план нужно писать только то, что уже сделано или почти сделано. Тогда и написание отчета не будет проблемой. С точки зрения сегодняшних руководителей российской науки (чиновников от бухгалтерии), это звучит кощунственно и призывает к безделью. Но с точки зрения существа дела это совершенно правильно и подтверждается блестящими результатами работы самого Юрия Дмитриевича и возглавляемого им отдела.

Когда по рекомендации Юрия Дмитриевича я стал ученым секретарем ВЦ, наши отношения с Юрием Дмитриевичем не только не прервались, но стали более тесными. Юрий Дмитриевич регулярно заходил ко мне в кабинет, и мы подолгу беседовали. Круг интересов и познания Юрия Дмитриевича были чрезвычайно широки.

Помимо науки он увлекался музыкой, литературой, живописью, фотографией. Но не только “высокие материи” интересовали Юрия Дмитриевича. Он хорошо разбирался в садоводстве и огородничестве, в строительных делах на садовом участке. Одно время это было очень актуально для меня. Например, когда я занимался проведением электричества в своем загородном домике, консультации Юрия Дмитриевича помогли мне решить многие вопросы, от которых зависела пожарная безопасность моего дома.

У Юрия Дмитриевича была одна вредная привычка — он курил. Не помню, чтобы он курил в своем кабинете, в комнатах своих сотрудников или при проведении семинаров. Обычно он выходил в коридор или на лестничную площадку. Но было одно публичное мероприятие, во время которого он закуривал всегда. Это были заседания Ученого совета ВЦ, которые вел директор академик А.А. Дородницын. Наш директор тоже был курильщиком. В какой-то момент в ходе заседания он обязательно доставал сигарету и закуривал. Почти сразу же закуривал и Юрий Дмитриевич. Больше никто из членов Ученого совета не курил. Когда А.А. Дородницын не стало и директором стал некурящий Ю.Г. Евтушенко, курение на заседаниях Ученого совета полностью прекратилось.

Из воспоминаний А.А. Чарахчяна

О законопослушности Юрия Дмитриевича

Будучи заведующим отделом, Юрий Дмитриевич всегда точно, пунктуально выполнял свои предписанные обязанности. Но если дело касалось сотрудников отдела, он мог принять совершенно неординарное решение. Мы с ныне покойным Владимиром Михайловичем Кривцовым (см. [3]) пришли к Юрию Дмитриевичу одновременно еще студентами МФТИ, а после защиты кандидатских диссертаций работали в Отделе механики сплошных сред младшими научными сотрудниками. Следующей ступенью карьеры в то время была должность старшего научного сотрудника с окладом на 100 рублей больше, что было весьма существенным. Однажды Юрий Дмитриевич пригласил нас к себе в кабинет и сказал примерно следующее. У него есть одна ставка старшего научного сотрудника, и поскольку В.М. Кривцов защитил диссертацию раньше меня, он отдает эту ставку ему. Но что касается денег, то он рекомендует нам поделить эту надбавку пополам. Больше эту тему он поднимать не будет и просит никому об этой беседе не говорить, так как за нее его могут посадить в тюрьму. Мы с Владимиром Михайловичем полностью выполнили его пожелание. Я абсолютно убежден в том, что когда Юрий Дмитриевич говорил о тюрьме, он не пугал нас, а говорил о вполне реальной, по его мнению, возможности.

Об удивительной скромности Юрия Дмитриевича

Несмотря на большое признание его заслуг и множество наград Юрий Дмитриевич всегда был очень скромным человеком. Так, в разговоре со мной он как-то сказал, что ему не нравится слово “учитель”. По его мнению, в науке есть только коллеги, которые на каком-то этапе работы помогают друг другу. Но Юрий Дмитриевич “забыл” о том, что одна из его статей памяти А.А. Дородницына называется “Учитель”.

О моем соавторстве с Юрием Дмитриевичем

Если не считать одной ранней работы 1977 г. с большим числом соавторов, куда Юрий Дмитриевич включил по каким-то соображениям и меня, у нас с ним есть две совместные работы. Первая работа — это обзор численных методов в динамике излучающего газа 1980 г. Это был юбилейный год для ВЦ РАН, и Юрию Дмитриевичу надо было написать два обзора, упомянутый выше и обзор методов решения вариационных задач. Так как “Журнал вычислительной математики и математической физики” не публиковал статьи с одним и тем же составом авторов дважды в год, Юрию Дмитриевичу был нужен соавтор. Он выбрал меня и попросил написать текст по моим работам, который составлял небольшую и далеко не главную часть всего обзора. Но не могло быть и речи о том, чтобы помочь ему в какой-нибудь технической работе над обзором.

Второй нашей совместной публикацией стал обзор работ отдела в сборнике 2005 г., посвященного 50-летию ВЦ РАН. Помимо Юрия Дмитриевича было еще четыре соавтора, которые представили свои тексты и списки литературы, после чего он все взял в свои руки. В частности, он сделал на бумаге единый список литературы (около 300 ссылок), тщательно его проверил, что-то сократил, внимательно прочитав тексты соавторов и кое-что поправив, и доверил мне только набор на компьютере уже готового текста. Юрию Дмитриевичу было тогда 78 лет.

Его шепетильность в отношении соавторства распространялась и на такие тексты, как отзыв на диссертацию ведущей организации. Однажды он попросил меня написать такой отзыв на кандидатскую диссертацию, которая пришла к нам без предварительной договоренности. Я написал отзыв, а Юрий Дмитриевич пошел заверять его в дирекцию и потом рассказал мне, как это происходило. Я был младшим научным сотрудником, и на отзыве стояла только моя подпись. Так как у меня была ученая степень, формально такое авторство отзыва допускалось, но на практике такая ситуация была, по-видимому, очень редкой. Поэтому дирекция потребовала, чтобы отзыв был подписан не только младшим научным сотрудником, но и заведующим отделом. Тогда Юрий Дмитриевич написал на втором экземпляре отзыва “С отзывом согласен”, расписался и категорически отказался ставить свою подпись на первом экземпляре. Дирекции пришлось смириться.

Об одном эпизоде с участием Юрия Дмитриевича

В конце 80-х годов дирекция ВЦ РАН рассматривала возможность проведения совместных работ по лазерной тематике с одним прикладным институтом. Нужен был сотрудник, который занялся бы этими работами, и А.А. Дородницын выбрал меня. Когда Юрий Дмитриевич мне об этом рассказал, я был очень огорчен, так как не хотел переключаться с задач, которыми занимался в то время, о чем и сказал Юрию Дмитриевичу. И он меня “отстоял”, за что я был и буду всегда ему благодарен.

В Ю.Д. Шмыглевском органично сочетались талант и скромность; пунктуальность и гибкость, умение принять нешаблонное решение; строгость по отношению к себе и подчиненным; и отзывчивость, и душевная щедрость. Среди сотрудников ВЦ РАН вряд ли найдется человек, который не относился бы к нему с огромным уважением.

Научно-педагогическая деятельность Ю.Д. Шмыглевского оценена рядом наград и званий. Он является лауреатом Государственных премий СССР (1951 и 1979 г.), удостоен премии им. Н.Е. Жуковского 2-й степени (1969 г.). В 1995 г. Юрию Дмитриевичу присвоено звание Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, он награжден орденами Трудового Красного Знамени и “Знак Почета” (1986 г.), восемью медалями СССР и РФ, а также медалью Китайской Народной Республики. С 1989 г. Ю.Д. Шмыглевский являлся членом Российского национального комитета по теоретической и прикладной механике. Он опубликовал более 80 научных работ и 3 книги. Он является соавтором научного открытия об оптимальных формах сверхзвуковых сопел с внутренними ударными волнами.

Но главной своей наградой Юрий Дмитриевич считал профессию ученого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоцерковский О.М., Евтушенко Ю.Г., Зубов В.И., Керимов М.К., Чарахчян А.А. Памяти профессора Юрия Дмитриевича Шмыглевского (1926–2007) // Ж. вычисл. матем. и матем. физ. 2008. Т. 48. № 5. С. 928–936.
2. Шмыглевский Ю.Д. Аналитические исследования динамики газа и жидкости. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 201.
3. Евтушенко Ю.Г., Зубов В.И., Флеров Ю.А., Чарахчян А.А. Памяти Владимира Михайловича Кривцова (1948–2019) // Ж. вычисл. матем. и матем. физ. 2019. Т. 59. № 11. С. 1998–2002.